

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее см.: *Китанина Т. М.* Рабочие Петербурга. 1800–1861. Л., 1991. С. 102–114.

² Договор между работодателем и социально зависимым, но вступившим в добровольное соглашение о найме рабочим содержал в себе начала, выводящие отношения заводчика и рабочего за границы феодальных отношений (*Китанина Т. М.* Рабочие Петербурга. С. 117).

³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1989. С. 178.

⁴ *Тильк М. Г.* Городские ремесленники Эстонии во второй половине XIX века (на материалах Эстляндской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Таллин, 1988. С. 22–56.

⁵ *Тильк М. Г.* О положении ремесленных учеников во второй половине 19 века в Эстонии // Изв. АН ЭССР. 1989. С. 47.

⁶ ПСЗ-II. Т. 20. № 19262.

⁷ *Андреев Е.* Работа малолетних в России и Западной Европе. СПб., 1884. С. 12.

⁸ Проект правил для фабрик и заводов в С.-Петербурге и уезде. СПб., 1860. С. 128–129.

⁹ РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 12. Л. 48–49 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Степанов В. Л.* Н. Х. Бунге: Судьба реформатора. М., 1998. С. 210–227.

¹² См.: *Маккей Дж.* Развитие экономики и региональное предпринимательство в последний период Российской империи // Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб., 1992. С. 210–211.

А. А. Дорская

ИЗУЧЕНИЕ ВЕРОИСПОВЕДНОГО ВОПРОСА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.: НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИХАИЛА ЕГОРОВИЧА КРАСНОЖЕНА*

Правовое регулирование положения представителей неправославных исповеданий началось в Российской империи в XVIII в. Еще в петровское время закон провозгласил свободу вероисповеданий в России для иностранцев, старообрядцев (правда, при условии записи в двойной подушный оклад), было разрешено заключение браков между пленными шведами и православными русскими девушками. Однако именно в это время православная церковь окончательно была включена в состав государственной машины и стала неотъемлемой ее частью. И хотя каждый император и императрица после Петра I подтверждали свою приверженность идее свободы вероисповеданий, любое посягательство на положение православия жестоко наказывалось. Например, в 1738 г. в Петербурге были сожжены иудей Лейба Борухов и капитан-лейтенант Возницын за то, что первый обратил в свою веру второго. Именно в XVIII в. власти наравне с миссионерской деятельностью стали использовать регламентирование местных религий.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования (грант по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук (общественных, педагогических, экономических наук и информатики) Б-9/03).

Во второй половине XVIII в. ситуация несколько изменилась. При Петре III и Екатерине II в Россию были приглашены бежавшие от преследований старообрядцы, им возвращались гражданские права. На некоторое время было запрещено употребление слова «раскольники». Екатерина II, а затем Павел I дали широкие привилегии иезуитам, которые были сохранены при Александре I. Расцветало сектантство, мистицизм.

Полностью данный курс изменился в царствование Николая I, когда официальную идеологию стала отражать формула «православие—самодержавие—народность». Начался новый нажим на иноверцев и даже массовые гонения. Именно этот курс был закреплен в Своде законов Российской империи, который с небольшими изменениями действовал до 1917 г. В Своде законов Российской империи существовала строгая градация вероисповеданий, которые подразделялись на три основные группы: первенствующая господствующая религия, терпимые, гонимые.¹

Первенствующей и господствующей в Российской империи признавалась «вера христианская православного католического восточного исповедания».²

Ко второй группе — «терпимых» — относились четыре категории вероисповеданий. Во-первых, инославные, т. е. христианские исповедания, признанные в России: римско- и армяно-католическое, армяно-григорианское, евангелическо-лютеранское и евангелическо-реформатское.

Во-вторых, иноверные исповедания, или нехристианские: мусульманство, иудаизм, буддизм (ламаизм) и языческие верования. Часто и в законодательстве, и в литературе все вероисповедания, кроме православного, назывались «иноверными», термин «иноверец» был «размыт».³

В-третьих, сюда относились некоторые секты, признанные законом: гернгутеры,⁴ меннониты,⁵ баптисты, шотландские колонисты в Каррасе (Терская область), братские общества аугсбургского исповедания.

В-четвертых, на практике было допущено существование еще некоторых сект, но без признания их особым вероисповеданием и с разрешением им лишь производить богомоления по их обрядам.⁶

Согласно данным переписи населения 1897 г., по вероисповедному принципу российское население распределялось следующим образом: православных было 87 123 604 (69.3 %), староверов — 2 204 596 (1.75 %), приверженцев армяно-григорианской церкви — 1 179 241 (0.9 %), католиков — 11 506 834 (9.15%), лютеран — 3 572 653 (2.83 %), прочих христиан — 198 238 (0.2 %), иудеев — 5 215 805 (4.2 %), мусульман — 13 906 972 (11.1 %), буддистов — 433 863 (0.34 %), остальных нехристиан — 298 215 (0.23%).⁷ Т. е. даже по официальным данным приблизительно 30 % населения составляли неправославные.

Однако сами современники мало верили этим цифрам. Так, известный исследователь старообрядчества А. Пругавин в буквальном смысле вышучивал официальную статистику, указывая, что она забывает один очень существенный факт русской жизни — невозможность открыть безопасно для себя свое истинное исповедание.⁸

Изучение правового положения представителей разных исповеданий началось в рамках науки церковного права. Мысль о необходимости его преподавания в России впервые была высказана митрополитом Платоном в его «Инструкции», написанной в 1776 г. для Московской славяно-греко-латинской духовной академии, преобразованной затем в Московскую духовную академию.⁹ В 1798 г. появился указ Святейшего Синода,

согласно которому во всех духовных академиях вводилось чтение и объяснение Кормчих книг и Книги о должностях приходского священника.¹⁰ В духовных академиях для богословских классов были введены такие новые науки, как герменевтика, церковная история, пасхалия, пастырское богословие и каноническое право.¹¹ При Александре I церковное право вошло в курс богословских наук и стало преподаваться в духовных академиях в систематическом виде.

С 1835 г. преподавание церковного права было введено в университетах. Однако оно преподавалось только для студентов-юристов православного вероисповедания. Преподавание церковного права поручалось профессорам богословия.

На развитие церковного права серьезно повлиял процесс систематизации российских законов, активно начатый в царствование Николая I. В марте 1835 г. обер-прокурор Святейшего Синода С. Д. Нечаев испросил у императора разрешения извлечь из синодального архива и собрать воедино все постановления, касающиеся церковного управления, начиная с введения синодальной системы в 1721 г. Фактический руководитель работы по систематизации российского законодательства во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии М. М. Сперанский поручил реализацию данного проекта А. П. Куницыну. Следующий обер-прокурор Н. А. Протасов посчитал эту работу полезной, чтобы Святейший Синод мог получать справки при рассмотрении различных дел, но неудобной для опубликования. М. М. Сперанский с этим согласился. Работа по систематизации духовных узаконений в рукописном варианте была доведена до конца. Кроме того, граф Н. А. Протасов предложил Святейшему Синоду возобновить работу, начатую в 1734 г., но затем остановленную, по изданию важнейших канонических постановлений православной церкви на русском и греческом языках. Эта работа была закончена в 1839 г.¹² В результате определением Святейшего Синода от 10 мая 1840 г. церковные законы были введены в духовных академиях и семинариях как самостоятельный предмет.

Университетский устав 1863 г. ввел преподавание церковного права на всех юридических факультетах империи и сделал этот курс обязательным для всех студентов-юристов. Согласно § 16 Устава, для «церковного законоведения были назначены особые кафедры на юридических факультетах».

Эта тенденция сохранилась и в Университетском уставе 1884 г. По § 57 нового Устава, кафедры церковного законоведения были переименованы в кафедры церковного права. Кроме духовных академий и университетов церковное право стало преподаваться в Училище правоведения, Военно-юридической академии и Ярославском Демидовском лицее.

В 1884 г. высшая богословская степень была разбита на три вида: степень доктора богословия в строгом смысле слова, степень доктора церковной истории и степень доктора церковного права. Окончательно утверждал решения о присуждении данных ученых степеней Святейший Синод.¹³

Сначала исследователи уделяли мало внимания изучению положения представителей неправославных исповеданий. Однако постепенно ученые обратились к вопросу о свободе совести. В 1882 г. Н. С. Суворов осуществил перевод с немецкого и издание книги доктора римского и канонического права в Венском университете, члена Академии наук Ф. Б. Х. Маасена (1848–1909) «Девять глав о свободной церкви и о свободе

совести» (Ярославль, 1882). После этого данный вопрос стал более активно изучаться в России: на следующий год в свет вышла книга В. Кипарисова «О свободе совести: Опыт критического исследования вопроса в области церкви и государства с I по IX в.» (М., 1883. Вып. 1). При этом уже Н. С. Суворов понимал, какую неоднозначную реакцию он может вызвать: «Необходимость сравнительного изучения права и государства настолько признана в принципе, что всякий перевод ценного сочинения по вопросам юридическим и политическим не потребовал бы общих соображений относительно его полезности... Совсем не в таком положении находится у нас переводчик иностранного научного исследования, трактующего тот или другой вопрос церковный, а тем более такой вопрос, как регулирование отношений между государством и церковью. Он весьма легко может встретиться именно с принципиальным отрицанием самой уместности подобных переводов: если где возможны у нас ссылки на западную жизнь, как на нечто не касающееся нашего Отечества и нашей отечественной науки, так это в сфере церковных вопросов. Мало того, кроме упрека в бесполезности, переводчика может ожидать нечто худшее — обвинение в каких-либо тенденциях и т. п.»¹⁴

В начале XX в. начался новый этап в изучении вопроса о положении иноверцев, связанный с возрастанием общественного интереса к проблеме свободы совести в России. Как отмечал архимандрит Сильвестр, «светские... мыслители заговорили о свободе совести со времени отлучения (от церкви. — А. Д.) графа Л. Н. Толстого»,¹⁵ когда определением Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 г. русская православная церковь объявила, что «не считает его своим сыном и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею».¹⁶

Особая роль в изучении положения неправославных исповеданий принадлежит Михаилу Егоровичу Красножону (1860–?), ставшему главным представителем науки церковного права в Прибалтийских губерниях и одним из крупнейших исследователей правового положения различных исповеданий в России.

В отличие от большинства специалистов в области церковного права он не принадлежал к духовному сословию. В 1881 г. с серебряной медалью он окончил Калужскую гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. С IV курса стал заниматься церковным правом под руководством известного русского канониста, профессора Алексея Степановича Павлова и получил золотую медаль за свое студенческое сочинение по данному предмету. Позже М. Е. Красножен посвятил своему учителю две работы: «Знаменитый русский канонист А. С. Павлов. Посвящается его памяти» (Юрьев, 1899) и «Профессор А. С. Павлов» (Юрьев, 1909).

По окончании университета М. Е. Красножен был оставлен на кафедре церковного права для приготовления к профессорской деятельности. Таким образом, хотелось бы отметить, что он пришел в науку церковного права совершенно сознательно и имел юридическое, а не богословское образование. Это был редчайший случай: большинство специалистов в данной сфере стали заниматься церковным правом только под воздействием обстоятельств.

В 1889 г. он сдал магистерский экзамен и был отправлен в командировку за границу для подготовки магистерской диссертации на тему: «Толкователи канонического кодекса Восточной церкви: Аристин, Зонара, Вальсамон». М. Е. Красножен много работал в архивах и библиотеках Вены, Мюнхена, Рима и Флоренции. Вернувшись через два с половиной года в Россию и защитив магистерскую диссертацию, М. Е. Красножен стал

приват-доцентом кафедры церковного права Московского университета и читал обязательный курс лекций для студентов IV курса юридического факультета. Параллельно в течение пяти лет он был помощником присяжного поверенного (у А. К. Вульфберга и Ф. Н. Плевако).

В 1893 г. М. Е. Красножен получил приглашение занять должность экстраординарного профессора церковного права в Юрьевском университете, а через два года стал ординарным профессором. Переезд из Москвы в Юрьев был серьезным шагом. На Юрьевский, бывший Дерптский, университет не распространялись университетские уставы 1804, 1835, 1863 и 1884 гг., он всегда имел свой устав. Одной из его особенностей было то, что Юрьевский университет не имел кафедры церковного права. Зато наряду с четырьмя обычными факультетами, которые были в других университетах (историко-филологическим, физико-математическим, юридическим и медицинским),¹⁷ здесь был еще и богословский факультет, как в католических и протестантских университетах. На преподавателя церковного права ложилась дополнительная нагрузка также в связи с тем, что значительное число студентов были неправославными. Например, в 1907 г. в университете обучалось 2734 человека: 1536 православных, 635 лютеран, 272 католика, 11 протестантов реформатского исповедания, 19 евангелистов аугсбургского исповедания, 11 представителей армяно-григорианской церкви, 243 иудея, 1 старообрядец, 2 единоверца, 2 караима, 1 баптист, 1 мусульманин.¹⁸ Затем эти цифры стали значительно меняться в пользу неправославных. В 1912 г. в университете обучалось 2467 студентов, из которых 919 были православными, 952 — лютеранами, 295 — католиками, 19 — протестантами реформатского исповедания, 20 — евангелистами аугсбургского исповедания, 40 — представителями армяно-григорианской церкви, 209 — иудеями, 4 — старообрядцами, 1 — единоверцем, 1 — караимом, 3 — англиканами, 1 — мусульманином, 1 — армяно-католиком, 2 — меннонитами.¹⁹

Юрьевский университет испытывал серьезные кадровые проблемы. Сначала для преподавания церковного права в Юрьевском университете был приглашен Лев Аристович Кассо. Он получил степень бакалавра в Парижском университете, затем являлся слушателем в Гейдельбергском и Берлинском университетах. В 1889 г. в Германии он получил степень доктора права. 29 июля 1892 г. Л. А. Кассо был назначен исполняющим обязанности доцента по церковному праву в Дерптском университете, но уже 1 июля 1893 г. перешел на кафедру местного права, действующего в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях. Затем он полностью посвятил себя цивилистике. Таким образом, найти преподавателя по церковному праву было достаточно сложно. Михаил Егорович Красножен стал ценным кадровым приобретением Юрьевского университета.

В 1899 г. М. Е. Красножен стал деканом юридического факультета, но при этом не оставлял серьезную научную деятельность: в 1897, 1901 и 1902 гг. он ездил в научные командировки за границу для продолжения изучения греческих рукописей канонического содержания.²⁰ При этом М. Е. Красножен активно занимался общественной деятельностью: с 1898 г. он был старостой университетской церкви Святого благоверного великого князя Александра Невского, с 1902 г. — председателем учебно-литературного общества при Юрьевском университете.²¹

Особого внимания заслуживает докторская диссертация, защищенная М. Е. Красноженом 22 апреля 1901 г. в Казанском университете. Диссертация называлась «Иноверцы

на Руси: Положение неправославных христиан». Главный ее вывод состоял в том, что в России наблюдается полная веротерпимость по отношению к инославным исповеданиям. Официальные оппоненты дали высокую оценку данной работе, но затем началась дискуссия. Известный профессор по истории русского права Н. П. Загоскин признал диссертацию неудовлетворительной. Из публики слово взял князь П. Л. Ухтомский, который указал, что недавние выселения из России тысяч духоборов, отлучение от церкви Л. Н. Толстого совершенно не соответствуют выводам диссертации. Тем не менее М. Е. Красножону была присуждена искомая ученая степень.²²

Несмотря на критику в свой адрес, М. Е. Красножен повторил свой вывод и в последующих изданиях своей диссертационной работы: «Большей веротерпимости к иноверцам чем та, которой пользуются они у нас, не может быть».²³

Спокойными жизнь и творчество профессора М. Е. Красножена и в дальнейшем назвать было нельзя.

Ему постоянно приходилось сражаться за место церковного права на юридическом факультете. Отношение к этой дисциплине становится понятным при анализе «Биографического словаря профессоров и преподавателей...» Юрьевского университета, изданного к столетию университета: всего юридическому факультету посвящено 179 страниц, среди которых церковному праву — пять последних страниц.²⁴ М. Е. Красножен пытался придать своей дисциплине другой статус, пытаясь создать кафедру церковного права.²⁵ Он был готов на любые компромиссы. В частности, будучи активным противником существования в Юрьевском университете богословского факультета,²⁶ он допускал возможность его сохранения и настаивал на создании на нем кафедры церковного права, обосновывая это тем, что «многие из привлекаемых к ответственности за нарушение правил господствующей Православной Церкви пасторов объясняют это нарушение неведением церковно-гражданских постановлений».²⁷ Работа Михаила Егоровича Красножена в этом направлении закончилась успешно созданием в Юрьевском университете кафедры церковного права. Кроме того, на церковное право стало даваться большее количество часов. Если в 1912 г. в весеннем и осеннем семестрах М. Е. Красножен читал церковное право 5 часов в неделю и читал спецкурс по семейному праву (один час в неделю),²⁸ то в 1913 г. — весь год объем церковного права составлял 6 часов в неделю.²⁹

М. Е. Красножен был единственным специалистом по церковному праву в университете. Решить кадровый вопрос он предлагал следующим образом: «Молодым людям, окончившим курс первыми по оценкам (при отличном поведении) должно быть сделано со стороны факультета предложение остаться при университете (с назначением известного содержания) для приготовления к профессорскому званию, преимущественно по кафедрам, не богатым преподавательскими силами (как это ныне с успехом практикуется в наших духовных академиях)».³⁰ М. Е. Красножен много работал в этом направлении, причем пытался привлечь внимание студентов к церковному праву через изучение наиболее злободневных тем. Так, в 1909 г. юридический факультет предложил студентам написать научных сочинений на две темы: по уголовному праву — «Ошибка человека и ее значение при вменении деяния этого лица ему в вину» и по церковному праву — «О Высочайше утвержденном при Святейшем Синоде особом Присутствии для разработки вопросов, подлежащих рассмотрению Всероссийского собора».³¹ Эта тема, безусловно, с одной стороны, не могла вызвать сопротивления в

Святейшем Синоде, но, с другой — содержала огромное количество «подводных камней». Однако инициативы М. Е. Красножена, видимо, находили мало откликов. По воспоминаниям студентов, М. Е. Красножен являлся «непримиримым сторонником старого режима».³²

Находясь в Прибалтийском крае, М. Е. Красножен раньше, чем многие другие специалисты в области церковного права, почувствовал новые злободневные веяния, что отразилось в его работах: «Старые и новые вопросы о браке (по поводу 352, 440, 441 и 359 статей Проекта нового уголовного уложения)» (Юрьев, 1898), «О разводе в России» (М., 1899), «Эстонцы и немцы в Прибалтийском крае» (Юрьев, 1900), «Отношение Православной восточной церкви к лицам неправославным» (Юрьев, 1900), «Отношение Русской церкви и государственной власти к иноверцам» (Юрьев, 1900), «Иноверцы на Руси» (Юрьев, 1903), «Старые и новые законы о разводе: По поводу издания Проекта нового гражданского уложения» (Юрьев, 1904) и др. Однако его позиция относительно того, что в российском законодательстве в отношении иноверцев все принципиальные положения должны сохраниться, оставалась неизменной. При этом М. Е. Красножен отмечал, что, например, «вопрос о разводе является одним из наиболее жизненных вопросов, которые не перестают занимать общество и периодическую печать: постоянно слышатся жалобы на неудовлетворительность бракоразводного института в России и указывается на необходимость реформ в этой области».³³ Он предлагал вернуться в законодательстве к поводам для развода, которые существовали в допетровской Руси.

М. Е. Красножена очень волновала судьба Юрьевского университета. Еще в начале первой русской революции он провел исследование и констатировал, что из четырнадцати преподавателей юридического факультета, работавших в 1894 г., т. е. за десять лет до революции, к 1905 г. осталось только семеро. Остальные поспешили оставить службу.³⁴

События революции 1905–1907 гг. и последовавшие изменения в законодательстве напрямую касались М. Е. Красножена, так как он постоянно общался со студентами и вынужден был отвечать на их «каверзные» вероисповедные вопросы, чувствовал настроения, царившие среди населения Прибалтийского края после издания указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». Интересным является и тот факт, что в мае 1905 г. М. Е. Красножен обратился к министру народного просвещения В. Г. Глазову с ходатайством поднести Николаю II свою книгу «К вопросу о свободе совести и о веротерпимости. Иноверцы на Руси», и книга действительно была передана императору.³⁵ Эта работа представляет значительный интерес, так как характеризует отношение М. Е. Красножена к происходившим изменениям в законодательстве. В предисловии он отметил: «В ожидании успешного законодательного разрешения указанных вопросов (обозначенных в указе от 12 декабря 1904 г. — *А. Д.*), сделаем, со своей стороны, хотя в малой степени, попытку содействовать этому разрешению».³⁶ Таким образом, вроде бы М. Е. Красножен приветствовал законодательные нововведения по свободе совести. Однако дальше предложил восемь пунктов, которые сводили на нет даже положения указа от 17 апреля 1905 г. В заключение М. Е. Красножен привел слова Александра III: «Православной вере господство; каждой вере почитание; русской народности подобает всеобщая и всеподчиняющая сила; но каждой народности да будет свобода во всем, что этому объединению и подчинению не препятствует».³⁷

С 1905 г. М. Е. Красножен активно занимался научной деятельностью, издав такие работы, как «Современные вопросы.—Брак и развод.—Прелюбодеяние.—Свобода совести и вероисповедания.—Наука и политика» (Юрьев, 1905), «Новейшее законодательство по делам Православной русской церкви» (Юрьев, 1909), «Университетский вопрос» (Юрьев, 1909) и др. В соответствии с его замечаниями были внесены поправки в статьи 411, 416, 418, 518, 519 Уголовного уложения 1903 г.³⁸

Последняя работа М. Е. Красножена, которую удалось найти, относится ко времени Первой мировой войны и называется «Судьбы Македонии» (Юрьев, 1915). В условиях военного времени он призывал православный мир объединиться, не упоминая о представителях других вероисповеданий: «Македония... заслуживает любовного отношения к себе всех верных сынов нашего культурного мира, независимо от того, называются ли они греками, албанцами, валахами, болгарами, сербами, русскими».³⁹ Т. е. даже в условиях войны вероисповедный ценз, с точки зрения М. Е. Красножена, играл существенную роль.

Дальнейшая судьба ученого неизвестна. Есть сведения, что М. Е. Красножена видели в Московском университете в 1930-е гг., однако опубликованных подтверждений данная информация не имеет.

Проанализировав всю научную деятельность М. Е. Красножена, можно констатировать, что он мало менял свои взгляды в зависимости от изменявшихся политических условий и считал, что русская православная церковь должна сохранять положение «первенствующей и господствующей» в Российской империи. Во многом позиция ученого объяснялась тем, что он работал в университете, находящемся в национальном районе Российской империи, где после указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» происходили массовые «уходы» из православия. Несмотря на приверженность официальной точке зрения и тенденциозность некоторых выводов, работы М. Е. Красножена отличались глубиной исследования и до сих пор являются важным источником при изучении положения иноверцев в России и науки церковного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 1. Разд. 1. Ч. 1. С. 62.

² Там же. С. 62.

³ *Красножен М. Е.* Иноверцы на Руси // Учен. зап. Императорского Юрьевского университета. 1902. № 6. Приложения. С. 1–96; *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. 13. С. 222.

⁴ Гернгутеры — протестантская секта лютеранского толка, возникшая в 1772 г. в Саксонии. В основе учения гернгутеров лежит частичное признание Аугсбургского исповедания, но они делают особый акцент на «религию сердца» — интимно-эмоциональное переживание верующим единства с Христом как хранителем и спаси-

телем мира. В Российской империи учение гернгутеров было распространено в Прибалтике.

⁵ Меннониты — последователи одной из старейших протестантских церквей, возникшей в 30-е гг. XVI в. в Нидерландах. В России меннониты появились при Екатерине II. Кроме общепротестантских принципов к их канонам относились: сознательное крещение по вере, отказ от военной службы, присяги и т. д.

⁶ Справка о свободе совести, составленная Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. СПб., 1906. С. 19.

⁷ Цит. по: *Рубакин Н. А.* Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы : (На осно-

вании официальных и научных исследований). СПб., 1912. С. 76.

⁸ *Пругавин А.* Старообрядчество во второй половине XIX века. М., 1904. С. 9.

⁹ *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 294.

¹⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. 15. № 18726. П. 4.

¹¹ *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. С. 296.

¹² *Чистович И. А.* [Рец.]. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870) С. Смирнова. СПб., 1880. С. 12.

¹³ См.: *Бердников И. С.* Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет ее существования (1842–1892). Казань, 1892. С. 79.

¹⁴ *Суворов Н. С.* Предисловие к кн.: Маасен Ф. Девять глав о свободной церкви и свободной совести. Ярославль, 1882. С. IV.

¹⁵ *Сильвестр, архим.* Современные искатели полной свободы совести перед судом православной церкви : Опыт критического решения этого вопроса. Харьков, 1903. С. 2.

¹⁶ Петербургский листок. 1901. 25 февр.

¹⁷ Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. Ст. 403.

¹⁸ Личный состав Императорского Юрьевского университета. 1907 год. Юрьев, 1907. С. 68.

¹⁹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Юрьевского университета за 1912 г. Юрьев, 1913. С. 61.

²⁰ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902 гг.). Юрьев, 1902. Т. 1. С. 651–654.

²¹ *Петухов Е. В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902 гг.) : Исторический очерк. СПб., 1906. С. 109, 176.

²² Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 27 апр.

²³ *Красножен М. Е.* К вопросу о свободе веры и о веротерпимости: Иноверцы на Руси. 3-е изд. Юрьев, 1903. Т. 1. С. 10.

²⁴ Подсчеты произведены по: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за сто лет его существования (1802–1902). Т. 1. С. 475–654.

²⁵ Заключение юридического факультета Императорского Юрьевского университета по вопросам, предложенным господином министром народного просвещения относительно желательного устройства университетов. Б/м., б/г. С. 4.

²⁶ Особое мнение декана юридического факультета М. Е. Красножена по вопросу 19-му (о богословском факультете). Юрьев, 1907. С. 1.

²⁷ Там же. С. 2.

²⁸ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Юрьевского университета за 1912 г. С. 41.

²⁹ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Юрьевского университета за 1913 г. Юрьев, 1914. С. 40.

³⁰ Особое мнение декана юридического факультета профессора М. Е. Красножена по некоторым вопросам, касающимся Университетского устава. Юрьев, 1905. С. 2–3.

³¹ Краткий отчет Императорского Юрьевского университета за 1908 г. Юрьев, 1909. С. 6.

³² *Красножен М. Е.* О разводе в России: Исторический очерк. М., 1899. С. 3.

³³ *Ганелин Р. Ш.* К истории революционных связей студентов Тартуского и Петербургского университетов (1899 и 1905 гг.) // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1984. Вып. 5. С. 30.

³⁴ *Красножен М. Е.* Терния и плевелы в наших университетах: К вопросу об университетской реформе. Юрьев, 1905. С. 29.

³⁵ РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 220. Л. 113.

³⁶ *Красножен М. Е.* К вопросу о свободе совести и о веротерпимости. Юрьев, 1905. С. 3.

³⁷ Там же. С. 16.

³⁸ *Красножен М. Е.* Новейшее законодательство по делам Православной Русской Церкви. Юрьев, 1909. С. 70–71.

³⁹ *Красножен М. Е.* Судьбы Македонии. Юрьев, 1915. С. 3–4.